

По делу «Пасько против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Первая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя Палаты Первой Секции Суда*,
 Нины Вайич,
 Анатолия Ковлера,
 Элизабет Штейнер,
 Ханлара Гаджиева,
 Джорджио Малинверни,
 Георга Николау, *судей*,
 а также при участии Сорена Нильсена, *Секретаря Первой Секции Суда*,

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 1 октября 2009 г.,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было инициировано жалобой (№ 69519/01) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод² гражданином Российской Федерации, г-ном Григорием Михайловичем Пасько (*далее* — заявитель) 20 января 2001 г.

2. Интересы заявителя при производстве по делу в Европейском Суде представлял г-н Ф. Эльгесем, адвокат, практикующий в г. Осло. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) первоначально представлял в Суде г-н П. Лаптев, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека а впоследствии — г-н Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался в Европейский Суд, в частности, на то, что ему был вынесен обвинительный приговор на основе придания закону обратной силы, а также на основе нарушения его свободы выражения мнения. При этом он ссылается на статью 7 и на статью 10 Конвенции.

4. Решением от 28 августа 2008 г. Европейский Суд объявил некоторые пункты жалобы заявителя приемле-

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ПАСЬКО ПРОТИВ РОССИИ» [PASKO V. RUSSIA]

(жалоба № 69519/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

22 октября 2009 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

мыми для дальнейшего рассмотрения по существу.

5. После консультаций со сторонами Палата Европейского Суда сочла не обязательным проводить слушания по существу дела (пункт 3 правила 59 Регламента Суда, в конце абзаца); каждая из сторон в письменном виде ответила на замечания другой стороны.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, 1962 года рождения, проживает в г. Владивостоке.

7. В то время, когда происходили обжалуемые по делу события, заявитель являлся офицером Военно-Морского Флота Российской Федерации и работал военным журналистом в газете Тихоокеанского флота России «Боевая вахта». В статьях заявителя речь шла главным образом о проблемах загрязнения окружающей среды и об иных вопросах, связанных с деятельностью

Тихоокеанского флота России.

8. По утверждениям заявителя, он также являлся внештатным сотрудником японской телевизионной станции «NHK» и японской газеты «Асахи Симбун» [*Asahi Simbun*] и снабжал своих представителей, в частности аккредитованных корреспондентов, г-на Т.Дз. и г-на Т.О., общедоступной информацией и видеоматериалами. В связи с этим государство-ответчик со ссылкой на свидетельские показания редактора и заместителя редактора газеты «Боевая вахта» утверждает, что заявителю не поручалось никаких задач по сотрудничеству с г-ном Т.О., если не считать оказание помощи последнему при посещении российских войсковых частей и извещение его о профессиональной деятельности газеты «Боевая вахта». По утверждениям государства-ответчика, все прочие отношения с г-ном Т.О. поддерживались заявителем по его собственной инициативе и он не сообщал об этих отношениях своему руководству. Заявитель настаивает на том, что руководство знало о его контактах с японскими журналистами и не возражало против них.

От редакции. По делу заявитель, военный журналист, офицер ВМФ России, осуждённый в уголовном порядке за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, — со ссылкой на статью 7 Конвенции — жаловался в Европейский Суд на то, что, рассматривая его дело, российские суды придали Закону Российской Федерации «О государственной тайне» обратную силу и чересчур широко его истолковали. Далее, заявитель — со ссылкой на статью 10 Конвенции — жаловался в Суд на нарушение своего права на свободу выражения мнения, утверждая, что за опубликование своих материалов он подвергся уголовному преследованию.

Европейский Суд шестью голосами «за» и одним голосом «против» постановил, что по делу не было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции. Суд единогласно пришёл к выводу, что жалобы заявителя на предполагаемое нарушение требований статьи 7 Конвенции не поднимают каких-либо отдельных вопросов.

К постановлению Европейского Суда по настоящему делу приложено особое мнение судьи Дж. Малинверни.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² Далее — Конвенция (*примечание редакции*).

А. Задержание заявителя и предварительное содержание его под стражей

9. 13 ноября 1997 г., когда заявитель собирался улететь в командировку в Японию, сотрудники таможни аэропорта г. Владивостока обыскали его и забрали у него ряд документов на основании того, что в них якобы содержались сведения, относящиеся к государственной тайне. После этого заявителю разрешили отправиться в командировку.

10. 20 ноября 1997 г. Федеральная служба безопасности Российской Федерации (*далее* — ФСБ России) возбудила в отношении заявителя уголовное дело в связи с описанным выше эпизодом. Когда заявитель вернулся из Японии, он был задержан и затем доставлен в следственный изолятор ИЗ-20/1 в г. Владивостоке. Там он содержался до 20 июля 1999 г., когда ему был вынесен первый обвинительный приговор.

11. В ночь с 20 на 21 ноября 1997 г. сотрудники ФСБ России произвели обыск в квартире заявителя, изъяв его персональный компьютер и ряд документов. Некоторое время спустя компьютер был возвращён заявителю.

12. 28 ноября 1997 г. заявителю было предъявлено обвинение в государственной измене в форме шпионажа. В основу этого обвинения было положено предварительное заключение экспертов Восьмого управления штаба Тихоокеанского флота России, которые пришли к выводу, что в некоторых документах, изъятых 13 ноября 1997 г. и 20 ноября 1997 г., содержались сведения, составляющие государственную тайну.

В. Обвинительное заключение по уголовному делу в отношении заявителя

13. 29 сентября 1998 г. заявителю было вручено обвинительное заключение. В нём говорилось, что заявитель совершил государственную измену в форме шпионажа путём сбора, хранения и передачи двум подданным Японии десяти документов, которые содержали сведения, составляющие государственную тайну, с 1996 года по 20 ноября 1997 г. Эти документы включали в себя черновик статьи заявителя об утилизации российских атомных подводных лодок, копию доклада о финансовом положении Тихоокеанского флота России, копию нескольких страниц «Руководства по поисково-спасательному обеспечению полётов космических аппаратов силами военно-морского флота», справку-доклад об утилизации и содержании на плаву российских атомных подводных лодок, вопросы к предложению по утилизации жидкого ракетного топлива, перечень атомных подводных лодок, на которых имели место ядерные и радиоактивные аварии, копию нескольких страниц доклада об утилизации оружия и вооружений, схему технической территории войсковой части 40752 и рукописные записи, сделанные заявителем на заседании Военного совета Тихоокеанского флота России 11 сентября 1997 г. Далее в обвинительном заключении указывалось, что заявитель устно сообщил сведения о времени и месте отправки спецшелона с отработанным ядерным топливом.

14. В основу обвинительного заключения были положены заключения от 22 декабря 1997 г. и от 14 марта 1998 г., которые были составлены четырьмя группами экспертов, назначенных Восьмым управлением Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации.

С. Первое рассмотрение уголовного дела в отношении заявителя в российских судах

15. Приговором от 20 июля 1999 г. Тихоокеанский флотский военный суд переквалифицировал действия заявителя и признал его виновным в злоупотреблении должностными полномочиями. Суд счёл недоказанным, что заявитель действительно передавал иностранным гражданам сведения, составляющие государственную тайну. Заявителю было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года. В силу Постановления Государственной Думы Российской Федерации «Об объявлении амнистии» от 18 июня 1999 г. заявитель был освобождён от отбывания наказания. Его освободили из-под стражи в зале суда.

16. Заявитель, его адвокаты и сторона обвинения обжаловали приговор суда первой инстанции.

17. 21 ноября 2000 г. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор от 20 июля 1999 г. на основании того, что суд первой инстанции не установил обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, пришёл к противоречивым выводам и неправильно применил уголовный закон Российской Федерации. Дело было направлено на новое рассмотрение в Тихоокеанский флотский военный суд.

Д. Второе рассмотрение уголовного дела в отношении заявителя в российских судах

1. Рассмотрение уголовного дела в отношении заявителя в суде первой инстанции

18. В неуказанный в материалах дела день по запросу Тихоокеанского флотского военного суда Восьмое управление Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации назначило семь экспертов; ещё один эксперт был назначен Министерством атомной энергии Российской Федерации. Экспертам был задан вопрос, содержатся ли в указанных в обвинительном заключении документах сведения, составляющие государственную тайну.

19. 14 сентября 2001 г. эксперты представили своё заключение, в котором указывалось, что три из десяти документов содержали «информацию ограниченного распространения», а остальные семь содержали сведения, составляющие государственную тайну. По утверждениям заявителя, при определении того, относились ли разглашённые им сведения к государственной тайне, эксперты опирались на неопубликованный приказ Министерства обороны Российской Федерации № 055 от 10 августа 1996 г., Указ Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г. и статью 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», принятого 21 июля 1993 г., с изменениями от 6 октября 1997 г. По словам заявителя, осенью 1996 года ему был предъявлен Приказ № 055, он ознакомился с ним и дал в этом расписку.

20. 25 декабря 2001 г. Тихоокеанский флотский военный суд признал заявителя виновным в государственной измене в форме шпионажа согласно статье 275 Уголовного кодекса Российской Федерации.

21. Что касается объективной стороны преступления, суд пришёл к выводу, что в 1996–1997 гг. заявитель вступил в дружеские отношения с японским журналистом, г-ном Т.О., и по просьбе последнего снабжал его информацией в обмен на регулярное вознаграждение.

В августе — сентябре 1997 г. в телефонных беседах с заявителем г-н Т.О. неоднократно проявлял интерес к получению сведений о проводимых в тот период учениях войск и сил Тихоокеанского флота России, их особенностях и отличиях от предыдущих учений. Далее в приговоре указывалось:

«10 сентября 1997 г. [заявитель] в качестве представителя редакции газеты “Боевая вахта” по официальному приглашению командования присутствовал на проводившемся в штабе Тихоокеанского флота заседании Военного совета ТОФ, где узнал о намеченном на следующий день для строго определённой категории военнослужащих разборе учений.

11 сентября 1997 г. с намерением собрать для последней передачи [Т.О.] содержащие государственную тайну сведения о данных учениях [заявитель] прибыл в штаб флота и, не будучи включённым в списки лиц, допущенных к участию в разборе тактических учений, т.е. неправомерно, присутствовал на нём и собирал сведения, раскрывающие действительные наименования участвовавших в учениях особо важных и режимных соединений и частей, в том числе частей военной разведки, а также сведения, раскрывающие средства и методы защиты секретной информации участвовавшими в учениях частями радиоэлектронной борьбы, которые, в соответствии с абзацем 6 пункта 1 и абзацем 5 пункта 4 статьи 5 Закона РФ “О государственной тайне” от 21 июля 1993 г. № 5485-1 и его редакции (Федеральный Закон № 131-ФЗ от 6 октября 1997 г.), пунктами 13 и 77 Перечня сведений, отнесённых к государственной тайне, утверждённого Указом президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203, составляют государственную тайну.

С той же целью, т.е. для передачи [Т.О.], [заявитель] незаконно хранил данные сведения <...>. 20 ноября 1997 г. исполненные [заявителем] на [разборе учений 11 сентября 1997 г.] рукописные записи этих сведений были обнаружены и изъяты по его месту жительства.

<...>

По заключению судебного эксперта-криминалиста, рукописный текст в данных записях исполнен [заявителем], что последний в судебном заседании не отрицал».

22. Выводы суда основывались на показаниях многочисленных свидетелей, пяти записях телефонных разговоров заявителя с г-ном Т.О., произведённых ФСБ России в июне — сентябре 1997 г., и заключении экспертов от 14 сентября 2001 г., в котором утверждалось, что рукописные записи заявителя содержали сведения, составляющие государственную тайну. Так, по поводу заключения экспертов от 14 сентября 2001 г. суд отметил следующее:

«<...> эксперты дали заключение о том, что в записях [заявителя] в конспективном виде изложены сведения о составе группировок сил (войск) флота, принимавших участие в учениях, раскрывающие действительные наименования особо важных и режимных соединений и частей, в том числе, частей военной разведки, которые составляют государственную тайну в соответствии с абзацем 6 пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации “О государственной тайне” от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в редакции Федерального Закона от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ) и пунктом 13 Перечня сведений, отнесённых к государственной тайне, утверждённого

Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203.

Наряду с вышеизложенным эксперты пришли к выводу и о том, что в [рукописных записях заявителя] в форме краткого конспекта <...> раскрываются сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений, а именно, о средствах и методах защиты секретной информации, которые подпадают под действие абзаца 5 пункта 4 статьи 5 Закона Российской Федерации “О государственной тайне” от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в редакции Федерального Закона от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ) и пункта 77 Перечня сведений, отнесённых к государственной тайне, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, в связи с чем составляют государственную тайну.

<...>

<...> Суд находит, что выводы [экспертов] о наличии в записях [заявителя] о разборе учений сведений, раскрывающих действительные наименования задействованных на учениях особо важных и режимных соединений и частей Тихоокеанского флота, в том числе частей военной разведки, а также специфическую деятельность частей радиоэлектронной борьбы <...>, которые составляют государственную тайну, в целом являются последовательными, достаточно аргументированными и основанными на правильном применении норм законодательства <...>».

23. Заявитель подтвердил, что он присутствовал на разборе учений 11 сентября 1997 г. и конспектировал речи и доклады участвовавших в нём лиц, но не признал себя виновным, утверждая, что он присутствовал на заседании правомерно, поскольку как журналист имел право получать и распространять информацию. Заявитель настаивал на том, что у него не было намерения передать эти сведения г-ну Т.О. и что он планировал использовать их для личных познаний о существенно изменившейся структуре Тихоокеанского флота, для использования в системе подготовки офицеров редакции газеты и для освещения в газете «Боевая вахта» результатов боевой подготовки флота. По мнению заявителя, все его действия полностью соответствовали российскому законодательству.

24. Рассматривая довод заявителя о том, что он имеет право на свободу выражения мнения и поэтому вправе был присутствовать на разборе учений 11 сентября 1997 г., суд отметил, что право на информацию не является абсолютным и может быть ограничено законом в целях защиты национальной безопасности. По российскому законодательству осуществление права на информацию военнослужащими ограничено интересами военной службы; в частности, военнослужащие обязаны не разглашать государственную и военную тайну. Как офицер, находящийся на действительной военной службе, заявитель взял на себя обязанности безусловного соблюдения норм, устанавливающих правила получения, хранения, использования, передачи и опубликования военнослужащими сведений секретного характера и их взаимоотношений с иностранными гражданами.

25. Кроме того, суд отклонил довод заявителя, утверждавшего, что он исполнил записи, являющиеся предметом спора, для освещения в газете «Боевая вахта» результатов боевой подготовки флота. По этому поводу суд отметил, что заявителю было достоверно известно о существующих запретах на опубликование сведений, раскрывающих действительные наименова-

ния объединений, соединений и частей вооружённых сил, и поэтому в публикациях заявителя данная информация не нашла практического применения.

26. Далее суд рассмотрел выводы, к которым пришли эксперты в заключении от 14 сентября 2001 г. относительно иных сведений, разглашение которых инкриминировалось заявителю, сопоставил их с другими материалами дела и отклонил их как не заслуживающие доверия. В частности, суд указал, что некоторые сведения, разглашение которых инкриминировалось заявителю, в том числе перечень российских атомных подводных лодок, на которых имели место ядерные и радиационные аварии, и схема технической территории войсковой части 40752, можно было обнаружить в открытых источниках, таких как справка-доклад об утилизации и содержании на плаву атомных подводных лодок Тихоокеанского флота России или доклад организации «Гринпис» [Greenpeace] от 27 октября 1993 г. «Проблемы Тихоокеанского флота: радиоактивные отходы, утилизация атомных подводных лодок, аварийность атомных подводных лодок, безопасность ядерного топлива». В связи с этим суд отметил, что получение, хранение и распространение общедоступной информации не является преступлением по действующему российскому законодательству и что нет никакой практической необходимости засекречивать сведения, которые можно обнаружить в открытых источниках.

27. Поэтому суд оправдал заявителя по всем остальным обвинениям, перечисленным в обвинительном заключении, причём некоторые из них были сняты стороной обвинения.

28. Ввиду того, что заявитель имел на иждивении несовершеннолетнего ребёнка, к уголовной ответственности был привлечён впервые, ранее по службе характеризовался положительно, неоднократно награждался командованием, а совершённое им преступление не повлекло за собой никаких опасных последствий, поскольку он не передал информацию, суд, сославшись на статью 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, назначил заявителю более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, приговорив его к четырём годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима и лишив его воинского звания.

2. Рассмотрение уголовного дела в отношении заявителя в суде второй инстанции

29. В кассационной жалобе адвокаты заявителя, в частности, утверждали, что эксперты, составившие заключение от 14 сентября 2001 г., при определении того, относятся ли разглашённые заявителем сведения к государственной тайне, основывались на неопубликованном приказе Министерства обороны Российской Федерации № 055. По мнению адвокатов, использование экспертами Приказа № 055 привело к неправильному применению судом первой инстанции Закона «О государственной тайне». Далее, они утверждали, что Закону «О государственной тайне» была придана обратная сила, поскольку на момент совершения преступления в российском законодательстве отсутствовал перечень сведений, отнесённых к государственной тайне. Кроме того, адвокаты заявителя утверждали, что в любом случае сведения, содержащиеся в его записях, можно было получить из открытых источников.

30. 25 июня 2002 г. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело по

второй инстанции, оставила обвинительный приговор по делу заявителя без изменения, исключив из него указание на неправомерность его присутствия на разборе учений 11 сентября 1997 г. и на общую незаконность его внеслужебных отношений с иностранными гражданами.

31. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отметила, что вопрос о наличии в рукописных записях заявителя сведений, составляющих государственную тайну, был тщательно и объективно исследован в заседании суда первой инстанции. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации подтвердила, что в основу приговора суда первой инстанции положено заключение экспертов от 14 сентября 2001 г., в котором говорится, что «сведения, раскрывающие действительные наименования особо важных и режимных соединений и частей, а также сведения о наличии в составе участников ЗТУ частей военной разведки и сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы (РЭБ) в ходе учений, а именно о средствах и методах защиты секретной информации, подпадают под действие абзаца 6 пункта 1 и абзаца 5 пункта 4 статьи 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 и в редакции Федерального закона от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ, пунктов 13 и 77 Перечня сведений, отнесённых к государственной тайне, утверждённого Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 и в соответствии с п. 129 и примечанием 1 к п. 240 Перечня сведений, подлежащих засекречиванию в Вооружённых Силах (Приказ Министерства обороны Российской Федерации 1996 года № 055) составляют государственную тайну». Как отметила далее Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, при оценке заключения экспертов от 14 сентября 2001 г. суд первой инстанции отверг многие выводы экспертов, необоснованно утверждавших, что некоторые сведения, в разглашении которых обвинялся заявитель, составляли государственную тайну. Поэтому Коллегия пришла к выводу, что суд первой инстанции критически подошёл к оценке заключения экспертов от 14 сентября 2001 г. и основывался только на тех выводах экспертов, которые нашли объективное подтверждение в ходе судебного разбирательства.

32. Кроме того, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения вывод суда первой инстанции о том, что намерение заявителя передать указанные сведения г-ну Т.О. доказывается фонограммами телефонных разговоров с ним. Далее, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отвергла довод заявителя, утверждавшего, что сведения, содержащиеся в его рукописных записях, можно было обнаружить в открытых источниках. В связи с этим она, сославшись на выводы суда первой инстанции, указала, что «в открытой печати не приводится сведений о действительных наименованиях особо режимных частей, кораблей и соединений, в частности, частей военной разведки, средствах и методах радиоэлектронной борьбы, которые имеются в записях [заявителя]».

33. Кроме того, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отклонила довод заявителя о том, что Приказ № 055 был применён в его деле незаконно, придя к выводу, что этот приказ действовал на момент совершения заявителем преступления и по-прежнему остаётся в силе.

34. Наконец, по поводу довода заявителя о том, что закону в его деле была придана обратная сила, Воен-

ная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отметила:

«В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. <...> подчеркивается, что реализация требования ст. 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации обеспечивается Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. “О государственной тайне”, в котором определено понятие государственной тайны и указаны сведения, относимые к государственной тайне. В последующем, 30 ноября 1995 г., Указом Президента Российской Федерации № 1203 был утверждён “Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне”.

Поскольку сбор и хранение секретных сведений для передачи иностранному гражданину, совершённые [заявителем], относятся к делящемуся преступлению, которое было пресечено 20 ноября 1997 г., суд [первой инстанции] правомерно руководствовался указанным выше правовым актом, а также законом “О государственной тайне” № 131-ФЗ в редакции от 6 октября 1997 г. при рассмотрении его уголовного дела».

35. Заявитель подал надзорную жалобу на вынесенный ему приговор, но безрезультатно.

36. 23 января 2003 г. заявитель был досрочно освобождён от дальнейшего отбывания наказания.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

A. Уголовная ответственность за разглашение государственной тайны

37. Статья 275 Уголовного кодекса Российской Федерации (государственная измена) в редакции, действовавшей по состоянию на 1 января 1997 г., предусматривала, что государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершённая гражданином Российской Федерации, — наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества.

B. Законы и постановления по вопросам, связанным с государственной тайной

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

38. Часть 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации предусматривает, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

2. Федеральный закон «О государственной тайне»

(а) В редакции до 6 октября 1997 г.

39. Федеральный закон «О государственной тайне» № 5485-1 (далее — Закон «О государственной тайне»)

был принят 21 июля 1993 г. и вступил в силу 21 сентября 1993 г. Статья 5 этого Закона предусматривала следующее:

«К государственной тайне могут быть отнесены следующие сведения:

1) сведения в военной области:

<...>

[сведения] о дислокации, действительных наименованиях, организационной структуре, вооружении и численности объединений, соединений и частей Вооружённых Сил Российской Федерации <...>

<...>

4) сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности:

<...>

[сведения] о методах и средствах защиты секретной информации <...>».

40. Статья 9 данного Закона предусматривала порядок отнесения сведений к государственной тайне. Согласно этой статье, отнесение сведений к государственной тайне осуществлялось руководителями органов государственной власти. Сам Закон не называл этих должностных лиц; их перечень утверждался Президентом Российской Федерации. Президент также утверждал Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне, который подлежал открытому опубликованию. Органами государственной власти, руководители которых были наделены полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, в соответствии с Перечнем сведений, отнесённых к государственной тайне, разрабатывались развёрнутые перечни сведений, подлежащих засекречиванию. В Законе «О государственной тайне» не уточнялось, можно ли было публиковать эти «развёрнутые перечни».

41. 16 марта 1995 г., 26 октября 1995 г. и 27 октября 1995 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, отмечая, что отсутствие Перечня сведений, отнесённых к государственной тайне, «лишило правоохранительные органы правовых оснований для исполнения своей обязанности по защите безопасности государства, общества и граждан», неоднократно обращалась к Правительству с просьбой подготовить проект указа, содержащего перечень таких сведений, для последующего утверждения Президентом.

42. 30 ноября 1995 г. Президент Российской Федерации издал Указ № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесённых к государственной тайне». Согласно пункту 13 и пункту 77 списка, к государственной тайне были отнесены «сведения, раскрывающие дислокацию, действительные наименования, организационную структуру, вооружение, численность войск, не подлежащие открытому объявлению в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации» и «сведения, раскрывающие методы и средства защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, планируемые и (или) проводимые мероприятия по защите информации от несанкционированного доступа, иностранных технических разведок и утечки по техническим каналам». Ответственными за отнесение этих сведений к государственной тайне назначалось Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации и ряд других государственных органов.

(b) В редакции после 6 октября 1997 г.

43. 6 октября 1997 г. был принят Федеральный закон № 131-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О государственной тайне”». Он был опубликован и начал действовать с 9 октября 1997 г. Статья 5 Закона «О государственной тайне» в новой редакции предусматривает следующее:

«Государственную тайну составляют: <...>

1) сведения в военной области:

<...>

[сведения] о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск <...>

<...>

4) сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности:

<...>

[сведения] о методах и средствах защиты секретной информации <...>».

3. Практика российских судов

44. 20 декабря 1995 г. Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о конституционности положений действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР, который предусматривал уголовную ответственность за измену Родине, и указал:

«<...> Следовательно, государство вправе относить те или иные сведения в области военной, экономической и других видов деятельности, распространение которых может нанести ущерб обороне страны и безопасности государства, к государственной тайне. В связи с этим статьёй 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации предусмотрено, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Государство вправе также определять средства и способы охраны государственной тайны, в том числе устанавливать уголовную ответственность за её разглашение и выдачу иностранному государству.

Однако в силу указанной конституционной нормы уголовная ответственность за выдачу государственной тайны иностранному государству правомерна лишь при условии, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, содержится в официально опубликованном для всеобщего сведения федеральном законе. Правоприменительное решение, включая приговор суда, не может основываться на неопубликованном нормативном правовом акте, что вытекает из статьи 15 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Реализация требования статьи 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации обеспечивается Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. “О государственной тайне”, в котором определено понятие государственной тайны и указаны сведения, относимые к государственной тайне.

Таким образом, установление уголовной ответственности за выдачу государственной или военной тайны иностранному государству не противоречит Конституции Российской Федерации, её статьям 15 (часть 3), 29 (часть 4), 55 (часть 3)».

45. 29 декабря 1999 г. Санкт-Петербургский городской суд вынес оправдательный приговор г-ну Никитину,

бывшему офицеру Военно-Морских Сил Российской Федерации, по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 275 (государственная измена) и частью 1 статьи 283 (разглашение государственной тайны) Уголовного кодекса Российской Федерации (дело № 78-000-29). Г-н Никитин обвинялся, в частности, в том, что в августе 1995 г. он осуществил сбор сведений, составляющих государственную тайну, и в сентябре 1995 г. передал их другим лицам. В приговоре суда было сказано следующее:

«<...> В соответствии с конституционными положениями, Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом <...>

Подобного закона на момент совершения Никитиным указанных выше деяний принято не было — единственным правовым актом, который стал урегулировать обсуждаемые правоотношения в области охраны государственной тайны, явился Указ Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г.

<...>

Федеральным законом, о котором упоминается в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, является Закон Российской Федерации “О государственной тайне” от 21.07.1993, который впоследствии подвергся существенным изменениям 6.10.1997.

<...>

Между тем действующая Конституция РФ требует, чтобы перечень сведений, составляющих государственную тайну, также определялся федеральным законом. Это требование Конституции в полной мере было выполнено лишь при новеллизации Закона “О государственной тайне” в октябре 1997 г., когда в ст. 5 Закона был включён перечень сведений, составляющих государственную тайну, вместо перечня сведений, которые могут быть отнесены к государственной тайне, — как было указано в ранее действовавшей редакции Закона 1993 г.

<...>

Согласно ч. 4 ст. 9 Закона, Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне, утверждается Президентом Российской Федерации <...>. Вместе с тем, в соответствии с ч. 4 ст. 3 Закона, как в редакции от 21 июля 1993 г., так и в редакции от 6.10.1997. Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне, утверждается Президентом Российской Федерации, подлежит открытому опубликованию и пересматривается по мере необходимости.

<...>

Анализ статьи 5 Закона (независимо от его редакции) показывает, что сам по себе он не устанавливает степени секретности, т.е., не засекречивает те или иные сведения, поскольку отнесение сведений к государственной тайне должно проводиться согласно специальной процедуре, описанной в статье 9 данного Закона <...>

Данное обстоятельство также означает, что ст. 5 обсуждаемого закона о государственной тайне, в своей первоначальной форме, не может служить единственной основой для обвинения в шпионаже или разглашении государственной тайны. Государство-ответчик должно быть дополнено другими нормативными актами.

Нормативными актами, которые были использованы ранее в деле подсудимого, в дополнение к ст. 5 [Закона “О государственной тайне”], являлись: Указ Президента России № 1203 от 1995 г. <...>

Как видно из материалов уголовного дела, <...> Никитин закончил свою деятельность <...> в сентябре 1995 г.

Указ Президента РФ от 30.11.1995 <...> ещё не вступил в законную силу <...>

Таким образом, статья 5 Закона (в редакции, существовавшей на период действий, инкриминируемый подсудимому) не может использоваться для предъявления формального обвинения без приложения дополнительных нормативных актов, которые бы составили законную юридическую базу для обвинения; <...> такие нормативные акты могут быть использованы при условии, что они официально опубликованы и вступили в законную силу до совершения действий, инкриминируемых Никитину.

<...> В связи с вышеизложенными обстоятельствами суд находит, что любой гражданин Российской Федерации <...> не имеет (не имел) реальной возможности определять относимость информации к понятию “сведения, составляющие государственную тайну”, если эта информация не включена в “Перечень сведений, составляющих государственную тайну”, определяемый Федеральным законом или утверждённый Указом Президента России <...>

<...>

Новая редакция Закона РФ “О государственной тайне” <...> от 6 октября 1997 г., привела закон в соответствие с требованиями Конституции, и, следовательно, только с этого момента стало возможным самостоятельное применение ст. 5 Закона РФ “О государственной тайне”, то есть без ссылки на “Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне”, который был утверждён Указом Президента РФ 30 ноября 1995 г.

Таким образом, в период с 12 декабря 1993 г. по 30 ноября 1995 г. отсутствовало законодательное определение того, какие сведения относятся к государственной тайне; ввиду этого обстоятельства отнесение каких-либо сведений к категории составляющих государственную тайну в обсуждаемый период <...> было произвольным и не основанном на законе.

46. 17 апреля 2000 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила вынесенный г-ну Никитину оправдательный приговор без изменения, указав следующее:

«Оправдывая Никитина за отсутствием в его действиях составов вменённых ему преступлений, суд [первой инстанции] исходил из того, что в период с 12 декабря 1993 г. по 30 ноября 1995 г. отсутствовало законодательное определение сведений, относящихся к государственной тайне, в связи с чем квалификация органами предварительного следствия деяний Никитина на законе не основана.

<...>

Согласно положениям ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г. и действовавшей в период совершения Никитиным инкриминированных ему преступлений, перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определён федеральным законом. Такой перечень впервые был определён Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации ‘О государственной тайне’” от 6 октября 1997 г.

Принимая во внимание, что в период совершения Никитиным вменённых ему действий отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ пере-

чень сведений, составляющих государственную тайну, сведения, собранные и переданные им <...>, не могут быть признаны содержащими государственную тайну. Поскольку объективную сторону преступлений, предусмотренных ст.ст. 275 и 283 УК Российской Федерации, составляют указанные в них действия лишь со сведениями, являющимися государственной тайной, те же действия с другими сведениями не могут быть признаны государственной изменой и разглашением государственной тайны <...>

<...>

<...> Закон [“О государственной тайне” в редакции 1993 года] в отношении Никитина применению не подлежал, поскольку в нём отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну, а в ст. 5 названного закона говорилось только о сведениях, которые могут быть отнесены к государственной тайне. Между тем в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ содержится требование об определении указанного перечня федеральным законом. Поскольку в ст. 5 Закона РФ “О государственной тайне” от 21 июля 1993 г. и ч. 4 ст. 29 Конституции РФ речь идёт о различных объектах, с утверждением кассационного протеста о наличии в этих актах лишь терминологического несоответствия согласиться нельзя <...>».

47. 25 июля 2000 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело по второй инстанции, отменила приговор в отношении г-на Моисеева, бывшего сотрудника Министерства иностранных дел Российской Федерации, который обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 275 Уголовного кодекса Российской Федерации, и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Коллегия пришла к следующим выводам:

«Признавая Моисеева виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, суд [первой инстанции] указал, что Моисеев в период с 1992 г. по январь 1994 г. <...> занимался сбором, хранением и передачей южнокорейской разведке сведений и документов, содержащих секретный характер, составляющих государственную тайну. При этом суд [первой инстанции] ограничился лишь общим перечислением сведений и документов <...> и не указал, какие сведения и документы когда именно были переданы Моисеевым. Поскольку инкриминируемые Моисееву деяния носят продолжаемый по времени характер и охватываются периодом времени с 1992–1993 гг. по июль 1998 г., в течение которого имело место изменение законодательства Российской Федерации, то установление таких данных судом имеет существенное значение для дела.

Согласно положениям ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации <...>, перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определён федеральным законом. Такой перечень был определён Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации ‘О государственной тайне’” от 6 октября 1997 г. Таким образом, до указанного времени отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ перечень сведений, составляющий государственную тайну. Отсутствие в приговоре данных о времени передачи Моисеевым сведений и документов не позволяет сделать правильный вывод о том, какие именно из инкриминируемых Моисееву действий

совершены им в период действия федерального закона, соответствующего требованиям Конституции РФ, содержащего перечень сведений, составляющих государственную тайну».

ВОПРОСЫ ПРАВА

ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 7 И СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

48. Заявитель, ссылаясь на статью 7 Конвенции, жалуется в Европейский Суд на то, что при рассмотрении его дела российские суды придали Закону «О государственной тайне» обратную силу и чересчур широко его истолковали. Далее, ссылаясь на статью 10 Конвенции, он жалуется в Суд на нарушение свободы выражения своего мнения. Заявитель утверждает, что он подвергся слишком масштабному и политически мотивированному уголовному преследованию в качестве мести за свои критические публикации. В частности, он никогда не передавал японскому журналисту, г-ну Т.О., никаких сведений, составляющих государственную тайну. Тем не менее он был признан виновным в том, что он якобы планировал передать г-ну Т.О. свои рукописные записи, в которых эксперты усмотрели государственную тайну, а единственным основанием для этого вывода стало то, что ранее он на законных основаниях несколько раз делился информацией с этим японским журналистом. Далее, заявитель жаловался в Суд на то, что эксперты обнаружили в его рукописных записях действительные наименования воинских соединений и частей и сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы, но эта информация содержалась во множестве открытых источников, в том числе в Интернете, и он не мог предвидеть, что она является государственной тайной, так как этот вывод основывался на неопубликованном, а следовательно, недоступном приказе Министерства обороны Российской Федерации № 055. В части, имеющей отношение к настоящему делу, соответствующие положения Конвенции предусматривают следующее:

Статья 7

«1. Никто не может быть осуждён за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением <...>.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей <...>.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены

законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявителем

49. Говоря о своих жалобах на нарушение статьи 7 Конвенции, заявитель настаивает, что в основе вынесенного ему обвинительного приговора лежало приращение Закону «О государственной тайне» обратной силы. В частности, он утверждает, что с 11 сентября 1997 г., когда он осуществил сбор сведений, о которых идёт речь в деле, до 9 октября 1997 г., когда вступили в силу изменения в Закон «О государственной тайне», которые включили в него Перечень сведений, составляющих государственную тайну, в федеральном законодательстве такой перечень отсутствовал, а поэтому вынесение ему обвинительного приговора за то, что он якобы совершил в этот период преступление, не имело под собой никаких правовых оснований. По мнению заявителя, Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне, утверждённый Указом Президента России № 1203 от 30 ноября 1995 г., нельзя считать достаточным правовым основанием для его осуждения, поскольку в части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации ясно сказано, что «перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Кроме того, заявитель настаивает, что в отсутствие такого перечня он не мог предвидеть, что его действия являются уголовно наказуемыми.

50. В связи с этим заявитель ссылается на практику российских судов по делу «Никитин против России» [*Nikitin v. Russia*] (жалоба № 50178/99, Сборник решений и постановлений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2004-VIII) и по делу «Моисеев против России» [*Moiseyev v. Russia*] (постановление Европейского Суда от 9 октября 2008 г., жалоба № 62936/00). В частности, он отмечает, что в определении от 17 апреля 2000 г. по делу А.К. Никитина и в определении от 25 июля 2000 г. по делу В.И. Моисеева Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации неизменно приходила к выводу, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом и что впервые такой перечень был предусмотрен Федеральным Законом от 6 октября 1997 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне»».

51. Далее, заявитель утверждает, что российские суды основывались на неопубликованном приказе Министерства обороны Российской Федерации № 055, который, по его мнению, привёл к чересчур широкому истолкованию и применению Закона «О государственной тайне». Он признаёт, что в приговоре суда первой инстанции не содержалось прямых отсылок к Приказу № 055, но считает, что, использовав заключение экспертов от 14 сентября 2001 г., суд косвенно на него со-

слался. По мнению заявителя, в указанном заключении на основании упомянутого выше неопубликованного приказа было установлено, что его рукописные записи содержали сведения, составляющие государственную тайну. По его мнению, это подтверждается использованием судом первой инстанции в обвинительном приговоре формулировкой «деятельность частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений», которая слово в слово была взята из Приказа № 055, а не из статьи 5 Закона «О государственной тайне». Согласно доводам заявителя в законе содержится более узкая формулировка, распространяющаяся лишь на один вид деятельности частей радиоэлектронной борьбы, а именно на сведения «о методах и средствах защиты секретной информации». Кроме того, заявитель обращает внимание на то, что факт использования в его деле Приказа № 055 был признан Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации, которая в своём определении от 25 июня 2002 г. указала, что заключение экспертов от 14 сентября 2001 г. основывалось на Законе «О государственной тайне», Указе Президента Российской Федерации № 1203 и на Приказе Министерства обороны Российской Федерации № 055.

52. Поэтому заявитель утверждает, что он в любом случае был не в состоянии предвидеть, что сведения, которые он собрал на разборе учений 11 сентября 1997 г., могли представлять собой государственную тайну, так как ни один из участников заседания не сообщил остальным о том, что обсуждаемая ими информация является секретной. Кроме того, заявитель настаивает, что сведения, которые он собрал и хранил у себя дома, не имели большого значения.

53. Далее, заявитель по-прежнему жалуется на нарушение статьи 10 Конвенции. Он настаивает, что власти государства-ответчика подвергли его преследованию за журналистскую деятельность и за опубликование статей о серьёзных проблемах защиты окружающей среды. Он также утверждает, что сведения, о которых идёт речь, можно было обнаружить в открытых источниках, в частности в докладах различных природоохранных организаций. По его мнению, они не имели большого значения и поэтому не могли считаться государственной тайной.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

54. По мнению государства-ответчика, в деле заявителя российские суды не придавали положениям национального законодательства обратной силы и не толковали их расширительно.

55. Государство-ответчик утверждает, что оценка действий заявителя российскими судами и, следовательно, вынесенный ему обвинительный приговор основывались на статье 275 Уголовного кодекса Российской Федерации, на Законе «О государственной тайне» в редакции от 6 октября 1997 г. и на Указе Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г., которым был утверждён Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне. Государство-ответчик ссылается на определение от 25 июня 2002 г., в котором Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации подтвердила, что Тихоокеанский флотский военный суд правомерно применил указанные правовые акты в деле заявителя, так как заявитель обвинялся за совершении длящегося преступления, которое началось 11 сентября 1997 г., когда он произвёл указанные записи, и было пресечено 20 ноября 1997 г., когда эти

записи были у него изъяты. По утверждениям государства-ответчика, когда речь идёт о длящемся преступлении, применяется законодательство, действующее на момент его пресечения. Государство-ответчик считает, что заявитель не мог не предвидеть применения вышеуказанных правовых актов, так как все они были опубликованы в установленном порядке и, следовательно, он мог с ними ознакомиться.

56. Государство-ответчик не согласно с доводом заявителя о том, что на тот момент, когда он совершил инкриминируемые ему преступления, закон не содержал перечня сведений, составляющих государственную тайну. По мнению государства-ответчика, постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. было установлено, что с принятием Закона «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г., который определил понятие государственной тайны и дал перечень сведений, составляющих государственную тайну, были выполнены требования части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации. Кроме того, оно утверждало, что впоследствии Указом Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г. был утверждён Перечень сведений, отнесённых к государственной тайне. Государство-ответчик обращает внимание на то, что в любом случае изменения от 6 октября 1997 г. не коснулись положений статьи 5 Закона «О государственной тайне», которая была положена в основу вынесенного заявителю обвинительного приговора.

57. По поводу жалоб заявителя на то, что российские суды основывались на секретном приказе Министерства обороны Российской Федерации № 055, который, по его утверждениям, привёл к чересчур широкому толкованию и применению Закона «О государственной тайне», государство-ответчик утверждает, что этот приказ всего лишь определяет степень секретности сведений, составляющих государственную тайну согласно федеральному законодательству; он не содержит норм поведения для частных лиц, а направлен исключительно на установление порядка и критериев определения степени секретности сведений, составляющих государственную тайну; поэтому он не относится к категории правовых актов, подлежащих обязательному опубликованию. В связи с этим государство-ответчик настаивает, что Приказ № 055 применялся в деле заявителя лишь постольку, поскольку это требовалось для определения степени важности и секретности собранных заявителем сведений, а не для того, чтобы установить, являлись ли эти сведения государственной тайной. Этот последний вопрос был разрешён на основании Закона «О государственной тайне» и Указа Президента Российской Федерации № 1203.

58. Далее, государство-ответчик утверждает, что дело заявителя отличается от дела А.К. Никитина, на которое он ссылается. Государство-ответчик отмечает, что преступления, в которых обвинялся А.К. Никитин, были совершены до 5 октября 1995 г., то есть до появления Указа Президента Российской Федерации № 1203, в то время как действия, инкриминируемые заявителю, были пресечены 20 ноября 1997 г., когда упомянутый указ уже вступил в силу. Далее, государство-ответчик утверждает, что ссылка заявителя на дело В.И. Моисеева некорректна, так как определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, которое он упоминает, было отменено, а В.И. Моисеев при новом рассмотрении его дела в суде был осуждён за шпионаж. Государство-ответчик отмечает, что юридические

доводы о том, что Закону «О государственной тайне» якобы была придана обратная сила, отклонённые судом второй инстанции во вступившем в силу решении по делу В.И. Моисеева, практически не отличаются от доводов, использованных Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации в определении от 25 июня 2002 г. по делу заявителя, и поэтому в практике российских судов по данному вопросу нет никаких противоречий.

59. Государство-ответчик также отмечает, что заявитель не мог не отдавать себе отчёта в том, что сведения, содержащиеся в его письменных записях, являются государственной тайной, поскольку они распространялись внутри ограниченной группы лиц на разборе учений 11 сентября 1997 г. на условиях их неразглашения. Государство-ответчик приходит к выводу, что положения статьи 7 Конвенции в деле заявителя нарушены не были.

60. Далее, государство-ответчик не согласно с доводом заявителя, что он стал жертвой политического преследования из-за своей журналистской деятельности и критических публикаций, считая его необоснованным. Государство-ответчик отмечает, что вынесенный заявителю обвинительный приговор основывался на различных доказательствах, на которые сослался Тихоокеанский флотский военный суд в приговоре от 25 декабря 2001 г. Государство-ответчик утверждает, что вмешательство в осуществление заявителем свободы выражения мнения являлось оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции. По его мнению, российское законодательство о средствах массовой информации запрещает разглашать государственную тайну, а получение и распространение информации должно осуществляться в соответствии с законом. Далее, государство-ответчик обращает внимание на то, что на момент возникновения спора заявитель, являясь офицером, находящимся на действительной военной службе, в силу законодательства о военной службе имел доступ к государственной тайне лишь постольку, поскольку этого требовало исполнение его профессиональных обязанностей, и лишь для того, чтобы переписать секретные сведения из первоисточника, зарегистрированного в компетентном органе государственной власти. Более того, он был обязан не разглашать полученную секретную информацию и предотвращать её утечки. К тому же выносить секретные материалы за пределы помещений штаба и хранить их в ненадлежащем месте запрещено. Государство-ответчик настаивает, что заявитель обладал статусом военнослужащего и поэтому ему было достоверно известно обо всех этих ограничениях; очевидно, он мог предвидеть негативные последствия нарушения соответствующих норм.

61. Государство-ответчик признаёт, что заявитель действительно был осуждён не за передачу секретных сведений г-ну Т.О., а за намерение их передать. В связи с этим оно, тем не менее, отмечает, что состав преступления, предусмотренного статьёй 275 Уголовного кодекса Российской Федерации, включает в себя не только саму передачу сведений, но также их собирание, похищение или хранение в целях передачи государственной тайны и что намерение заявителя передать секретные сведения г-ну Т.О. подтверждается доказательствами, исследованными Тихоокеанским флотским военным судом, а именно фонограммами телефонных разговоров заявителя с г-ном Т.О.

62. Далее, государство-ответчик не согласно с утверждением заявителя, что сведения, содержащиеся в его рукописных записях, можно было получить из открытых

источников. Государство-ответчик считает, что эти доводы были тщательно исследованы российскими судами и отклонены ими как необоснованные. Государство-ответчик обращает внимание на то, что в материалах возбуждённого в отношении заявителя уголовного дела содержится несколько статей, в том числе и статья заявителя, которые сообщают о результатах тактических учений, но не содержат сведений, составляющих государственную тайну, в частности сведений о действительных наименованиях воинских частей или о средствах и методах работы частей радиоэлектронной борьбы. Сопоставив эти статьи и рукописные записи заявителя, суды правильно пришли к выводу, что сведения, содержащиеся в указанных записях, нельзя было получить из открытых источников.

63. Наконец, государство-ответчик не согласно с утверждением заявителя, что, собирая сведения, о которых идёт речь в деле, он занимался своей обычной журналистской деятельностью. В связи с этим оно ссылается на фонограммы телефонных разговоров заявителя с г-ном Т.О., которые ясно показывают, что последний выражал интерес только к сведениям, составляющим государственную тайну.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

64. Европейский Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в собирании сведений, составляющих государственную тайну, начиная с 11 сентября 1997 г. и в их хранении вплоть до 20 ноября 1997 г., когда он был задержан. В сущности, заявитель жалуется на то, что вынесенный ему приговор был незаконным, так как с 11 сентября 1997 г. до 8 октября 1997 г. в российском законодательстве отсутствовал перечень сведений, отнесённых к государственной тайне, а с 9 октября 1997 г., когда вступили в силу изменения, в которых содержался такой перечень, до 20 ноября 1997 г. российские суды чересчур широко толковали применимые положения российского законодательства и положили в основу вынесенного ему обвинительного приговора неопубликованный приказ Министерства обороны Российской Федерации. Заявитель утверждает, что из-за этого он не мог предвидеть, что его действия в любой из этих двух промежутков времени являлись уголовно наказуемыми.

65. Приняв во внимание обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд полагает, что главный спорный вопрос касается предполагаемого нарушения права заявителя на свободу выражения мнения. Поэтому Суд считает уместным рассмотреть жалобы заявителя на нарушение статьи 10 Конвенции.

66. Учитывая, что заявитель являлся офицером, находящимся на действительной военной службе, Европейский Суд напоминает, что свобода выражения мнения, гарантируемая статьёй 10 Конвенции, применяется к военнослужащим так же, как и ко всем остальным лицам, находящимся под юрисдикцией Договаривающихся Государств. Кроме того, инкриминируемое заявителю разглашение секретных сведений не выходит за рамки статьи 10 Конвенции, применение которой не ограничивается конкретными категориями информации, идей или форм выражения мнения (см. постановление Европейского Суда от 16 декабря 1992 г. по делу «Хаджианастассиу против Греции» [*Hadjianastassiou v. Greece*], § 39, серия «А», № 252). Поэтому Суд приходит к убеждению, что статья 10 Конвенции применима в настоящем деле и что выне-

сенный заявителю приговор представляет собой акт вмешательства государства в осуществление его права на свободу выражения мнения. Такое вмешательство нарушает требования статьи 10 Конвенции, если оно не «предусмотрено законом», не преследует одной или нескольких правомерных целей, перечисленных в пункте 2 статьи 10 Конвенции, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

1. По вопросу о законности вмешательства государства в осуществление прав заявителя

67. Европейский Суд напоминает, что выражение «предусмотрено законом» по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции прежде всего требует, чтобы у ожаваемой меры были основания в национальном законодательстве государства-ответчика; тем не менее оно имеет отношение и к качеству закона, требуя, чтобы он был доступен, достаточно чётко сформулирован и давал человеку возможность предвидеть последствия своих действий.

(а) По вопросу о наличии в национальном законодательстве государства-ответчика оснований для вмешательства в осуществление прав заявителя

68. По поводу первого из указанных аспектов Европейский Суд отмечает, что часть 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. гласит: «перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». До 9 октября 1997 г. в статье 5 Закона «О государственной тайне», принятого на несколько месяцев раньше Конституции, упоминался только перечень сведений, которые «могут быть» отнесены к государственной тайне в установленном порядке. Полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне были наделены руководители органов государственной власти, а право утвердить перечень таких сведений было предоставлено Президенту Российской Федерации. Последний издал соответствующий Указ 30 ноября 1995 г. 6 октября 1997 г. в статью 5 Закона «О государственной тайне» были внесены изменения, включившие в неё перечень сведений, составляющих государственную тайну. Эти изменения были опубликованы и вступили в силу 9 октября 1997 г. (см. выше, пункты 38–43 настоящего постановления).

69. С учётом этого заявитель предлагает выделять два следующих друг за другом промежутка времени: с 11 сентября 1997 г. (когда заявитель осуществил сбор сведений, о которых идёт речь в деле) до 8 октября 1997 г. и с 9 октября 1997 г. (когда вступили в силу изменения в Закон «О государственной тайне») до 20 ноября 1997 г. (когда заявитель был задержан). Государство-ответчик и российские суды, напротив, считают, что это разделение не имеет существенного значения, так как заявитель был осуждён за совершение «длящегося» преступления, ответственность за которое предусматривалась законодательством, действовавшим на момент его задержания властями. Однако главный довод государства-ответчика заключается в том, что в любом случае действия заявителя являлись преступлением даже до 9 октября 1997 г. Поэтому Европейский Суд начнёт с того, что рассмотрит правовые основания для вынесения заявителю обвинительного приговора в каждый из этих двух промежутков времени.

(i) Период с 11 сентября 1997 г. до 8 октября 1997 г.

70. Применительно к первому промежутку времени стороны разошлись во мнениях по поводу того, имелись ли в российском законодательстве формальные основания для вынесения заявителю обвинительного приговора в связи с инкриминируемым ему преступлением и являлись ли действия заявителя уголовно наказуемыми по действовавшему в то время российскому законодательству. Заявитель утверждал, что в течение указанного промежутка времени такие основания отсутствовали, поскольку в Законе «О государственной тайне» был приведён лишь перечень сведений, которые «могут быть», а не «должны быть» отнесены к государственной тайне. То, что этот Перечень содержался в Указе Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г., противоречило, по его мнению, пункту 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации, которая ясно требует, чтобы такой перечень определялся федеральным законом. Государство-ответчик настаивает, что Закон «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. наряду с Указом Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г. являлся достаточным правовым основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора за совершение инкриминируемого ему преступления в тот промежуток времени, о котором идёт речь, так как оба этих акта были опубликованы в установленном порядке и заявитель мог с ними ознакомиться.

71. Европейский Суд отмечает, что согласно части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Указанное конституционное положение предполагает, что в отсутствие такого закона нет никаких правовых оснований для уголовного преследования лица за разглашение государственной тайны. Тем не менее Закон «О государственной тайне» в действовавшей в то время редакции содержал лишь перечень сведений, составляющих государственную тайну, а не перечень сведений, отнесённых к государственной тайне; таким образом, нельзя сказать, что он в явной форме перечислял эти сведения. С другой стороны, в то время, о котором идёт речь, перечень таких сведений определялся Указом Президента Российской Федерации № 1203 от 30 октября 1995 г. Российские суды положили эти два нормативных правовых акта в основу вынесенного заявителю обвинительного приговора. Поэтому вопрос, который требуется разрешить в настоящем деле, заключается в том, имелись ли, с учётом требований Конституции Российской Федерации, достаточные правовые основания для предполагаемого вмешательства государства в осуществление прав заявителя, предусмотренных статьёй 10 Конвенции, при том, что содержащийся в федеральном законе перечень сведений, составляющих государственную тайну, конкретизировался Указом Президента — нормативным правовым актом, имеющим меньшую юридическую силу, чем закон.

72. Государство-ответчик выдвигает довод, что Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 декабря 1995 г. счёл Закон «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. удовлетворяющим требованиям части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации. В обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд считает необязательным касаться вопроса о том, мог ли в рассматриваемый период времени Закон «О государственной тайне» сам по себе являться достаточным правовым основанием для вы-

несения заявителю обвинительного приговора, поскольку в любом случае он был применён в его деле не изолированно, а во взаимосвязи с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г.

73. Далее, Европейский Суд напоминает, что в соответствии с его устоявшейся прецедентной практикой термин «закон» должен пониматься в «содержательном», а не в «формальном» смысле. Следовательно, он включает в себя всё, что составляет писаное право, в том числе и акты, имеющие меньшую юридическую силу, чем законы, а также решения судов, в которых даётся их толкование (см. постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Ассоциация “Экен” против Франции» [*Association Ekin v. France*] (жалоба № 39288/98), § 46, Сборник решений и постановлений Европейского Суда по правам человека [*ECtHR*] 2001-VIII). В настоящем деле Суд отмечает, что Конституция Российской Федерации содержит принцип, согласно которому перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом, и что впоследствии в Закон «О государственной тайне» были внесены изменения для приведения его в соответствие с этим конституционным требованием. Ясно, что с 12 декабря 1993 г., когда вступила в силу Конституция Российской Федерации, до 9 октября 1997 г., когда начали действовать изменения в Закон «О государственной тайне», существовала насущная потребность в правовом акте, который дал бы компетентным органам власти юридические основания «для исполнения своей обязанности по защите безопасности государства, общества и граждан» (см. выше, пункт 41 настоящего постановления). Суд склоняется к выводу, что власти Российской Федерации обоснованно удовлетворили эту потребность путём введения в действие Указа Президента, так как процедура издания такого нормативного правового акта проще и быстрее, чем процедура принятия федерального закона, — учитывая, в частности, свободу усмотрения, которой пользуются национальные власти при регулировании вопросов охраны государственной тайны (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии» [*Stoll v. Switzerland*] (жалоба № 69698/01), § 107, Сборник решений и постановлений Европейского Суда по правам человека [*ECtHR*] 2007 — <...>). В изданном Указе ясно перечислялись категории сведений, отнесённых к государственной тайне; кроме того, этот Указ был общедоступным, так что любой человек, в том числе и заявитель, мог скорректировать свои действия в соответствии с ним.

74. Далее, Европейский Суд отмечает: в подтверждение своего довода о том, что Закон «О государственной тайне» в первоначальной редакции и Указ Президента от 30 ноября 1995 г. № 1203 нельзя было считать достаточными правовыми основаниями для вынесения ему обвинительного приговора, заявитель ссылается на определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по двум другим делам, в которых шла речь о разглашении государственной тайны, а именно на определения по делу А.К. Никитина и по делу В.И. Моисеева. В обоих этих определениях Коллегия неизменно заявляла, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом и что впервые такой перечень был определён Федеральным законом от 6 октября 1997 г. «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О государственной тайне”».

75. По поводу ссылки заявителя на дело А.К. Никитина Европейский Суд обращает внимание на довод

государства-ответчика, которое утверждает, что преступления, в которых обвинялся А.К. Никитин, были совершены в августе и в сентябре 1995 г., когда Указ Президента Российской Федерации № 1203 ещё не вступил в силу. В приговоре от 29 декабря 1999 г. суд первой инстанции (Санкт-Петербургский городской суд) прямо сослался на это обстоятельство как на основание для вынесения А.К. Никитину оправдательного приговора, указав, что до 30 ноября 1995 г. отнесение тех или иных сведений к государственной тайне являлось произвольным и не основывалось на положениях закона. Тем не менее у Санкт-Петербургского городского суда, по-видимому, не возникло сомнений в том, что начиная с 30 ноября 1995 г. уголовное преследование за разглашение государственной тайны имело под собой достаточные правовые основания. Действительно, суд указал, что требования части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации были полностью выполнены лишь после вступления в силу изменений от 6 октября 1997 г., однако наряду с этим он неизменно приходил к выводу, что Закон «О государственной тайне» в первоначальной редакции во взаимосвязи с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. может являться правовым основанием для того, чтобы предъявить человеку обвинение в разглашении государственной тайны (см. выше, пункт 45 настоящего постановления).

76. При вынесении определения Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело по второй инстанции, подтвердила, что в течение того времени, когда А.К. Никитин совершал действия, о которых шла речь в деле, в российском законодательстве отсутствовал перечень сведений, отнесённых к государственной тайне, и поэтому нельзя сказать, что сведения, сбор и разглашение которых он осуществил, составляли государственную тайну. Действительно, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что впервые такой перечень был определён после того, как 6 октября 1997 г. в Закон «О государственной тайне» были внесены изменения; тем не менее она не высказала своего мнения по поводу того, достаточно ли было применить Закон «О государственной тайне» совместно с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. для уголовного преследования лица за разглашение государственной тайны до внесения этих изменений (см. выше, пункт 46 настоящего постановления).

77. Во-вторых, что касается дела В.И. Моисеева, последний обвинялся в преступлениях, совершённых с 1992–1993 гг. по июль 1998 г. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2000 г. по делу В.И. Моисеева, на которое ссылается заявитель, говорится, что суд первой инстанции (Московский городской суд) не определил точное время совершения преступлений, и поэтому неясно, какое именно преступление было совершено в тот период времени, когда Закон «О государственной тайне» отвечал требованиям части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации. В определении по делу А.К. Никитина Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации ничего не сказала по поводу Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. (см. выше, пункт 47 настоящего постановления). Поэтому Европейский Суд не убеждён в том, что определения, на которые ссылается заявитель, можно непосредственно применить к тому положению, в котором он оказался,

или что их следует трактовать так, как он предлагает, в особенности те из них, в которых указывается, что Закон «О государственной тайне» в первоначальной редакции и Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. не являются достаточным правовым основанием для вынесения ему обвинительного приговора.

78. Наконец, Европейский Суд отмечает, что в деле заявителя российские суды неизменно ссылались на Закон «О государственной тайне» и на Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. как на основание для вынесения заявителю обвинительного приговора. В связи с этим Суд напоминает, что толкование и применение национального законодательства должно осуществляться прежде всего национальными властями, в особенности судами, и что Суд не будет выражать мнение, противоречащее занятой ими позиции, если только данное ими толкование не представляется произвольным или явно необоснованным. С учётом изложенных выше соображений Суд не видит оснований не соглашаться с толкованием, данным российскими судами. Суд отмечает, что перечень сведений, которые могут быть отнесены к государственной тайне, содержащийся в Законе «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г., был дополнен Указом Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 г., достаточно подробно перечисляющим виды сведений, отнесённых к государственной тайне. Оба этих документа были общедоступными и позволяли заявителю предвидеть последствия своих действий. Поэтому Суд считает, что они являлись достаточным правовым основанием для вмешательства в осуществление прав заявителя, предусмотренных статьёй 10 Конвенции, с 11 сентября 1997 г. до 8 октября 1997 г.

(ii) Период с 9 октября 1997 г. до 20 ноября 1997 г.

79. По поводу этого второго промежутка времени Европейский Суд отмечает: стороны согласны, что Закон «О государственной тайне» с изменениями и дополнениями являлся правовым основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора.

(iii) В целом

80. С учётом вышесказанного Европейский Суд приходит к выводу, что в течение всего времени, о котором идёт речь в деле, то есть с 11 сентября 1997 г. до 20 ноября 1997 г., вынесение заявителю обвинительного приговора имело под собой достаточные правовые основания. Кроме того, Суд признаёт важность того, что по состоянию на 20 ноября 1997 г. наличие таких оснований было бесспорно, а с учётом длящегося характера преступления этого было достаточно, чтобы на действия заявителя стала распространяться соответствующая статья Уголовного кодекса Российской Федерации.

(b) По вопросу о качестве закона

81. Заявитель также жалуется в Европейский Суд на то, что российские суды признали собранные им сведения государственной тайной на основании Приказа Министерства обороны № 055 — секретного и поэтому недоступного документа, на котором основывались эксперты в своём заключении от 14 сентября 2001 г., и что это привело к чрезмерно широкому истолкова-

нию и применению Закона «О государственной тайне» и Указа Президента Российской Федерации № 1203. Он настаивает, что в этих обстоятельствах он не мог предвидеть, что собранные им сведения представляли собой государственную тайну, а его действия являлись уголовно наказуемыми. Государство-ответчик признаёт, что приказ Министерства обороны Российской Федерации, на который ссылается заявитель, действительно был применён в его деле, но утверждает, что он использовался только для оценки степени важности и секретности собранных заявителем сведений, а не для решения вопроса о том, являлись ли эти сведения государственной тайной.

82. Заявитель, по сути, ставит под сомнение, что применённые в его деле положения российского законодательства отвечали требованиям предсказуемости и доступности, или, другими словами, что вынесенный ему обвинительный приговор был «законным» по смыслу положений статьи 10 Конвенции. В связи с этим Европейский Суд прежде всего отмечает, что, как он установил ранее, Закон «О государственной тайне» во взаимосвязи с Указом Президента Российской Федерации № 1203 сам по себе был сформулирован достаточно чётко, чтобы дать заявителю возможность предвидеть последствия своих действий. Что касается жалобы заявителя на чрезмерно широкое и поэтому непредсказуемое истолкование указанных правовых актов российскими судами, которое, по его утверждению, основывалось на неопубликованном приказе Министерства обороны Российской Федерации, из обстоятельств настоящего дела ясно следует, что осенью 1996 года, то есть до совершения инкриминируемых заявителю преступлений, ему благодаря его должностному положению был предоставлен Приказ № 055, он ознакомился с этим документом и дал в этом расписку (см. выше, пункт 19). В этих обстоятельствах Суд отклоняет довод заявителя о недоступности и непредсказуемости применённых в его деле положений российского законодательства.

83. В целом Европейский Суд приходит к убеждению, что в обстоятельствах настоящего дела российское законодательство отвечало требованиям доступности и предсказуемости, которые определяют его качество, и что, следовательно, предполагаемое вмешательство в осуществление прав заявителя, предусмотренных статьёй 10 Конвенции, было законным с точки зрения Конвенции.

2. Преследовало ли вмешательство государства в осуществление прав заявителя правомерную цель

84. Более того, Европейский Суд без труда допускает, что обжалуемая мера преследовала правомерную цель, заключающуюся в защите интересов национальной безопасности.

3. Было ли вмешательство государства в осуществление прав заявителя необходимо в демократическом обществе

85. По поводу соразмерности вмешательства, о котором идёт речь, Европейский Суд прежде всего отмечает: довод заявителя о том, что его намерение передать секретные сведения не было доказано, а сами эти сведения можно было обнаружить в общедоступных источниках, представляется необидительным. Российские суды тщательно исследовали каждый довод заявителя, и их выводы подкреплялись сразу несколькими доказательствами. В частности,

они основывались на нескольких записях телефонных разговоров заявителя с подданным Японии, доказывающих его намерение передать Т.О. сведения, о которых идёт речь (см. выше, пункты 22 и 32 настоящего постановления). Кроме того, российские суды уделили должное внимание доводу заявителя, что собранные им сведения являлись общедоступными, и отклонили этот довод как не заслуживающий доверия. В самом деле, российские суды критически подошли к оценке заключения экспертов от 14 сентября 2001 г., сопоставив выводы экспертов с другими материалами дела, и отклонили как необоснованные выводы, признавшие государственной тайной сведения, которые можно было обнаружить в открытых источниках, таких как справка-доклад об атомных подводных лодках или доклад организации «Гринпис» (см. выше, пункт 26 настоящего постановления). Тем не менее, говоря о собранных заявителем сведениях, российские суды отметили, что они не были опубликованы в открытой печати (см. выше, пункт 32 настоящего постановления).

86. Далее, Европейский Суд не может не согласиться с доводами российских судов и государства-ответчика, согласно которым заявитель как офицер, находящийся на действительной военной службе, был обязан соблюдать осторожность и осмотрительность во всем, что касалось исполнения его обязанностей (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хаджианастассиу против Греции», § 46). К тому же Суд считает, что разглашение сведений о военных учениях, сбор и хранение которых осуществлял заявитель, могло причинить значительный ущерб национальной безопасности. Действительно, фактически заявитель не передал эти сведения иностранному гражданину; с другой стороны, Суд не забывает о том, что заявителю было назначено очень мягкое наказание, значительно ниже минимального предела, предусмотренного законом, а именно лишение свободы сроком на четыре года по сравнению с лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой (см. выше, пункт 28 и пункт 37 настоящего постановления).

87. В целом Европейский Суд отмечает, что заявитель был осуждён как офицер, находящийся на действительной военной службе, а не как журналист, за государственную измену в форме шпионажа путём собирания и хранения сведений военного характера, составляющих государственную тайну, с целью их передачи иностранному подданному. Имеющиеся в распоряжении Суда материалы показывают, что российские суды внимательно исследовали обстоятельства дела заявителя, рассмотрели доводы сторон и подкрепили свои выводы различными доказательствами. Их решения представляются разумными и обоснованными. Взвесив все эти соображения, Суд считает: нельзя сказать, что российские суды вышли за рамки допустимого усмотрения, которое должно предоставляться властям государства-ответчика в вопросах охраны национальной безопасности (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Хаджианастассиу против Греции», § 47). Предположение об отсутствии разумного соотношения пропорциональности между задействованными средствами и преследуемой правомерной целью не подкреплено никакими доказательствами. В материалах дела нет ничего, что свидетельствовало бы в пользу утверждения заявителя о том, что вынесенный ему

обвинительный приговор был чересчур широк или мотивирован политическими соображениями либо что заявитель был привлечён к уголовной ответственности за какую-то из своих публикаций.

88. С учётом всего вышесказанного Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле требования статьи 10 Конвенции нарушены не были.

89. Далее, Европейский Суд отмечает, что жалобы заявителя на нарушение статьи 7 Конвенции касаются тех же фактов, что и те, которые были рассмотрены с точки зрения статьи 10 Конвенции. Учитывая свои выводы относительно статьи 10 Конвенции, Суд считает необязательным отдельно рассматривать эти жалобы.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. постановил, что по настоящему делу требования статьи 10 Конвенции нарушены не были (принято шестью голосами «за» и одним голосом «против»);

2. постановил, что жалобы заявителя на нарушение статьи 7 Конвенции не поднимают отдельных вопросов (принято единогласно).

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 22 октября 2009 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Сорен Нильсен,
Секретарь Секции
Европейского Суда**

**Христос Розакис,
Председатель Палаты
Европейского Суда**

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Джорджио Малинверни.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЖ. МАЛИНВЕРНИ

1. В отличие от большинства судей, я считаю, что применительно к промежутку времени с 11 сентября 1997 г. до 8 октября 1997 г. по делу было допущено нарушение статьи 10 Конвенции. Европейскому Суду надо было ограничительно истолковать требование, содержащееся в части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации, и прийти к выводу, что в отсутствие федерального закона, который соответствовал бы этому требованию, в российском законодательстве отсутствовали надлежащие правовые основания для вынесения заявителю обвинительного приговора.

2. Я серьёзно сомневаюсь в том, что Закон «О государственной тайне» в первоначальной редакции мог сам по себе считаться правовым основанием для вынесения заявителю обвинительного приговора, и вот почему.

3. Во-первых, в определении от 17 апреля 2000 г. по делу А.К. Никитина и в определении от 25 июля 2000 г. по делу В.И. Моисеева Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что требования части 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации были выполнены лишь после того, как 6 октября 1997 г. в Закон «О государственной тайне» внесли изменения (см. пункт 46 и пункт 47 постановления). К тому же 30 но-

ября 1995 г. Президент Российской Федерации издал Указ № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесённых к государственной тайне», а это наводит на мысль, что власти Российской Федерации признали наличие в этой сфере пробела в праве.

4. Что касается Указа Президента Российской Федерации № 1203, действительно, этот документ, который был официально опубликован и является общедоступным, предусмотрел перечень сведений, отнесённых к государственной тайне. Тем не менее я не убеждён, что его изданием были удовлетворены конституционные требования, так как часть 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации недвусмысленно ссылается на «федеральный закон» — правовой акт, принятый национальным парламентом с соблюдением определённой процедуры, — а не на подзаконные правовые акты, такие как указы Президента или постанов-

ления Правительства. То, что в конце концов в Закон «О государственной тайне» были внесены необходимые изменения, чтобы привести его в соответствие с частью 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что власти Российской Федерации сами не считали, что издание указа Президента удовлетворило требования Конституции Российской Федерации.

5. С учётом изложенных выше соображений я не могу прийти к выводу, что Закон «О государственной тайне» в первоначальной редакции и Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. можно было считать достаточными правовыми основаниями для предполагаемого вмешательства государства в осуществление прав заявителя, предусмотренных статьёй 10 Конвенции, с 11 сентября 1997 г. до 8 октября 1997 г.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»